

**Functioning of a term
in an individual mind**

There is considered the psycholinguistic approach to the research of a term as the means of individual mind approach. There are analyzed the results of the free associative experiment with marking out the strategies of term identification. There is represented the quantitative analysis and qualitative interpretation of the chain associative experiment with detection of the structure of associative fields of future specialists and non-specialists based on the professional and ordinary contexts.

Key words: *term, individual mind, professional image of the world, participants of the experiment, stimulus, reaction, strategy.*

(Статья поступила в редакцию 23.01.014)

Н.Ю. МАРТЫШКО
(Волгоград)

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
МАНИПУЛЯТИВНЫХ
ФОРМУЛИРОВОК
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Анализируются особенности конструирования новых терминологических единиц в российском законодательстве. Рассматривается проблема манипулятивности и манипулятивного потенциала юридических терминов. Определяются наиболее распространенные причины возникновения данного явления, исследуются некоторые типичные примеры манипулятивных формулировок.

Ключевые слова: *юридическая терминология, юридический дискурс, законодательный дискурс, язык права, манипуляция, манипулятивный потенциал.*

Специфика взаимосвязи языка права с естественным языком уже достаточно давно исследуется лингвистами. Языковое качество нормативных актов, особенности толкования юридических терминов, а также природа и суть языка права – лишь некоторые из главных направлений, разрабатываемых в рамках юрислингвистики [4, с. 40]. Интерес лингвистов к юридическому дискурсу закономерен, поскольку право неизбежно опирается на сред-

ства естественного языка, используя его единицы для построения собственных значимых элементов, приобретающих помимо первоначального значения также и правовой смысл [2, с. 11]. По-видимому, именно этой особенностью обусловлен отмеченный Ю.А. Гришенковой факт: большинство исследований в области языка права посвящены именно юридической терминологии [3, с. 128].

Право, с точки зрения большинства исследователей, в целом представляет собой некий текст [4, с. 40]. В качестве структурных единиц этого текста выступают юридические термины, которые могут являться как отдельными словами, так и словосочетаниями [Там же, с. 44]. Как правило, термины права основываются на уже существующих единицах естественного языка, подвергающихся юридизации; наиболее явно и сильно данный процесс проявляется в языке законодательных актов, где почти каждое слово обозначает ту или иную юридическую реалию [1, с. 19]. С целью обеспечения эффективности терминологии и облегчения правоприменения термины права конструируются с учетом специальных требований, главными из которых являются однозначность, устойчивость, общепонятность. Нарушение хотя бы одного из этих требований обычно влечет за собой несоблюдение остальных [9].

Ранее в своих работах мы уже затрагивали проблемы адекватного конструирования новых терминологических единиц в российском законодательстве, манипулятивности юридической терминологии, взаимодействия юридического, в т.ч. законодательного, дискурса и медиадискурса [5–8 и др.]. Согласно нашей концепции, при определенных обстоятельствах неаккуратно сформулированные термины могут способствовать неправильному их истолкованию в процессе правоприменения, т.е. исказить юридическую картину мира адресата законодательных актов в современной массовой культуре. Мы выделили собственно манипулятивные термины, созданные таким образом, что за ними не стоит реальный правовой смысл, и термины, наделенные в той или иной мере манипулятивным потенциалом. Манипулятивны, по нашему мнению, такие терминологические единицы, которые:

- 1) фактически дублируют уже существующие;
- 2) лишены определений и вводятся в употребление исключительно для формирова-

ния видимости наличия у них юридического смысла;

3) сконструированы на основе лексических единиц естественного языка, имеющих явную оценочную окраску, и служат для представления некоего явления в положительном или отрицательном контексте в соответствии с целями адресанта.

В свою очередь, манипулятивный потенциал может реализовываться при употреблении терминологических единиц, которые:

1) состоят из лексических компонентов, имеющих специфическую семантику в естественном языке, однако не имеющих таковой в языке юридическом;

2) не имеют однозначных определений и оставляют возможность для заведомо ложных истолкований;

3) сочетают две указанные выше недоработки [7, с. 112–113].

Мы также высказали предположение о том, что основной причиной, вызывающей возникновение манипулятивного потенциала у отдельных терминологических единиц, является пренебрежение базовыми правилами конструирования юридических терминов [Там же, с. 115]. В данной работе мы детальнее рассмотрим причины возникновения манипулятивных формулировок в российском законодательстве и некоторые особенности их функционирования.

Основной проблемой, вызывающей возникновение у юридических терминов манипулятивного потенциала, а иногда и напрямую приводящей к конструированию манипулятивных по сути вербальных конструкций в правовом поле, можно считать недостаточную проработанность и устойчивость терминологической системы в определенных областях. Прежде всего, это относится к вновь возникшим юридическим реалиям, для обозначения которых не были созданы корректные формулировки или чьи обозначения излишне расплывчаты. Как следствие, возникают нарушения одного из базовых требований к юридическим терминам, а именно требования устойчивости.

В качестве примера можно привести термин *информационно-телекоммуникационные сети*, фигурирующий в ряде правовых актов, регулирующих деятельность средств массовой информации. Как мы можем отметить, при наличии относительно устойчивого значения это словосочетание порой используется таким образом, что даже сами законодатели затрудняются определить, какую из его трактовок счи-

тать приоритетной. Это приводит к дополнительным затруднениям при правоприменении.

У термина *информационно-телекоммуникационные сети* имеется общепринятая устоявшаяся дефиниция (*технологические системы, предназначенные для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники*). Таким образом, на практике он, как правило, обозначает сеть Интернет. Однако в законопроекте №445393-6 «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”», направленном на рассмотрение в начале февраля 2014 г., тот же термин используется безо всякой привязки к интернет-коммуникации (как следует из пояснительной записки, применительно к телевидению). Следовательно, возникает коллизия, при которой требование ограничить «с 7 часов до 24 часов размещение в информационно-телекоммуникационных сетях сообщений и демонстрацию изображений, содержащих информацию о преступлениях или иных противоправных действиях, сопряженных с демонстрацией и описанием жестокости, физического и (или) психического насилия, совершаемых лицами в возрасте до 18 лет», по сути, направлено на телевизионную коммуникацию, но сформулировано так, что при утверждении законопроекта в неизменном виде будет действовать в отношении Интернета. Следует заметить, что это может повлечь за собой не только смысловое размытие уже получившего стабильное правовое значение юридического термина и возникновение полисемии, но и создание правовых актов, применение которых в силу такой терминологической неустойчивости будет затруднено. Достаточно отметить лишь, что в сети Интернет размещение тех или иных материалов происходит спонтанно, без предусмотренного законопроектом жесткого графика, так что в нынешней своей версии данный текст выглядит абсурдно. В то же время с учетом перехода телевизионных сетей на цифровое вещание и распространением онлайн-телевидения нельзя определить четкие рамки, в которых уже существующим термином можно оперировать с полной уверенностью. Нам представляется, что для окончательного разрешения возникшей проблемы целесообразно закрепить за уже созданным термином *информационно-телекоммуникационные сети* его основное значение, а для юридически корректных обозначений различных телевизионных сетей создать новую терминологию.

гическую единицу или надлежащим образом скорректировать одну из ныне используемых.

Некоторые терминологические единицы приобретают манипулятивный потенциал в силу своей неопределенности, что влечет за собой противоречивость в процессе их применения на практике. Так, О.В. Романовская, анализируя использование и толкование термина *объединение граждан* в решениях Конституционного Суда РФ и региональных органов власти, пришла к выводу, что данная формулировка, являясь одной из базовых, в то же время трактуется без подобающего единообразия. Как следствие, термин приобретает такие значения, которые первоначально не предусматривались (т.е., с нашей точки зрения, искажает правовую картину мира адресата юридического текста), а это, в свою очередь, провоцирует рассогласование законодательных актов [12, с. 198]. Тем не менее мы не склонны полагать, будто подобные терминологические единицы конструируются с целью влияния на правовое сознание – в описанном О.В. Романовской случае, как и в большинстве аналогичных ситуаций, манипулятивный потенциал оказывается лишь нежелательным побочным эффектом нарушения правил построения юридических терминов. Однако порой целесообразно говорить о намеренном пренебрежении лингвистическими постулатами с целью создания таких формулировок, которые одновременно удобны законодателю и искажают картину мира правоприменителя.

Манипулятивность терминов может актуализироваться вследствие неверного принципа их формирования. Согласно общепринятому методу конструирования юридических терминов, в основе каждой терминологической единицы должна лежать некая реалья, имеющая строго определенный смысл и изначально заданные координаты в системе правовых отношений. Только при наличии такой реалии для ее обозначения подбираются единицы естественного языка, наделяемые дополнительным юридическим значением и приобретающие в итоге свойства терминов. Однако мы вынуждены отметить, что в ряде случаев в современном российском законодательстве происходит прямо противоположный процесс, в ходе которого сначала конструируется некая терминологическая единица, а уже потом под нее подбирается то значение, которое наиболее удобно законодателю. В данном случае можно говорить о терминах, не имеющих определенного значения и, следовательно, манипулятивных по самой своей природе.

Как мы уже указывали ранее, такие формулировки могут приобретать манипулятивную направленность в силу своей расплывчатости и наличия фактических смысловых ошибок (например, в случае с термином *пропаганда гомосексуализма*) [8, с. 188].

Еще одним примером применения указанной практики, при которой термин фактически не имеет значения и приобретает тот правовой смысл, который законодателю наиболее удобен в конкретный момент, может служить словосочетание *политическая деятельность*, употребляемое в законопроектах и правовых актах без расшифровок и пояснений. Поскольку нет никаких указаний, насколько широко следует трактовать данное понятие, отсутствуют и реальные границы правоприменения, в рамках которых оно могло бы рассматриваться. Между тем при практическом использовании термина *политическая деятельность* естественным образом возникают вопросы относительно того, какие именно действия можно уверенно и однозначно квалифицировать как политические. К примеру, участие в выборах или регистрация политической партии непременно будут рассматриваться именно как политическая деятельность. В то же время организация митинга или иного массового мероприятия частным лицом с целью привлечь внимание к некоей политической проблеме вовсе не обязательно свидетельствует о непосредственно политической активности и служит скорее способом выражения гражданской позиции. Участие в предвыборной агитации на стороне того или иного кандидата может осуществляться и в рамках предпринимательской или творческой деятельности. Однозначно определить ту грань, при переходе которой та или иная форма активности субъекта становится откровенно *политической*, а не просто политизированной и должна регулироваться, соответственно, на данный момент весьма затруднительно. Соответственно, мы сталкиваемся с ситуацией, в которой трактовка термина полностью зависит от его восприятия законодателями и правоприменителями, – и нет никаких гарантий того, что обе эти стороны будут солидарны в его истолковании.

Подобная расплывчатость терминологических единиц, отсутствие у них устоявшихся трактовок, вариативность их употребления – причины, по которым у носителей естественного языка нередко складывается искаженное представление о правовых нормах. Данные факторы негативно влияют на уровень доверия граждан к праву и закону в целом: в тех

случаях, когда некая формулировка не привязана к конкретной правовой реалии, а каждый раз трактуется наиболее удобным образом, возникают своего рода смысловые пустоты, оставляющие место для злоупотреблений и заведомо неверных истолкований.

Особенно ярко указанная тенденция проявляется тогда, когда законодатель создает правовой акт, требующий формирования новых терминологических единиц, без учета сложившейся законотворческой традиции, преследуя некие сиюминутные цели. Манипулятивность таких формулировок, т.е. преднамеренное желание законодателя исказить картину мира правоприменителя, даже может декларироваться открыто. В данном смысле показательна недавняя инициатива по внесению дополнений в Уголовный и Административный кодексы, криминализирующих *сознательный обман аудиторами работниками СМИ, направленный на поддержку терроризма, интервенции, сепаратизма и геноцида*. Не касаясь вопроса о предлагаемой практике пресечения поименованной практики, предполагающей перенесение ответственности с непосредственных исполнителей – работников СМИ – на их руководителей, отметим, что при всей объемности и внешней солидности данного терминологического сочетания оно лишено сколь-нибудь реального содержания. Во-первых, не поясняется, каким образом будет определяться *сознательность* действий журналиста и подпадает ли под соответствующие ограничения, например, непреднамеренная публикация ложной информации, за которой следует опровержение. Во-вторых, из предлагаемой формулировки следует, что введение в заблуждение совершается непосредственно работником СМИ, но вопрос о том, допустимо ли ссылаться на непроверенную информацию, опубликованную другими СМИ или частными лицами, никак не проясняется. Кроме того, крайне расплывчатыми с правовой точки зрения представляются словосочетания типа *поддержка интервенции* (нет единой нормы, определяющей, что именно считать *поддержкой интервенции* и насколько широко сама *интервенция* трактуется). Особо отметим, что проблемы с терминами данного смыслового ряда возникают далеко не впервые, и ранее Закон «О противодействии экстремистской деятельности» уже подвергался критике за недостаточную ясность и разграниченность таких важных понятий, как *экстремизм, экстремистская деятельность, терроризм* и т.д. Даже такие лингвисты, как В.А. Мишланов и В.А. Салимов-

ский, защищающие многие спорные формулировки закона «О противодействии экстремистской деятельности», вынуждены признать, что с точки зрения языка права современное российское законодательство в соответствующей сфере далеко не идеально [10, с. 166]. Расширение применения спорных терминологических единиц, на наш взгляд, может привести к снижению уровня юридической корректности законодательных актов, а также, соответственно, и к дальнейшему усугублению тех затруднений, с которыми носители естественного языка сталкиваются при ознакомлении с текстами права уже сейчас.

Возвращаясь к анализу предложенной формулировки, отметим, что она не разъясняет, при каких обстоятельствах личное мнение или гражданская позиция журналиста может превратиться в *сознательный обман аудитории* (проблема разграничения мнения, клеветы, диффамации и т.п. давно является одной из классических для юрислингвистики [11, с. 927]). Наконец, вызывает закономерное удивление предложение создать новое терминологическое словосочетание для обозначения действий, которые фактически уже описываются иными терминами. Практически аналогично по своим характеристикам словосочетание *пропаганда русофобии*, которое предлагалось терминологизировать в недавнем законопроекте, вызвавшем значительный общественный резонанс и вскоре отозванном. Данный термин планировалось толковать как *распространение в средствах массовой информации, а также путем проведения публичных шествий, пикетирований, собраний, митингов или сбыта специфической атрибутики, печатных, изобразительных, видео- и аудиоматериалов недостоверной негативной информации, направленной на формирование отрицательного отношения к России или к русским, а также русскому языку, культуре, государственности*. Такая формулировка вызывает немало вопросов как с лингвистической, так и с юридической точки зрения (в частности, *распространение недостоверной негативной информации*, равно как и информации, разжигающей межнациональную рознь, уже давно криминализовано и подпадает под запрет в соответствии со многими правовыми актами, от Конституции Российской Федерации до статьи 282 Уголовного кодекса). Кроме того, отождествление негативного отношения к многонациональной и мультикультурной России с неприязнью к русскому народу оставляет у правоприменителя впечатление,

будто бы все прочие этносы, живущие на территории Российской Федерации, оказываются дискриминированными и лишены особой правовой защиты. Непонятно также, где проходит граница между критическим высказыванием (или даже ироническим) и информацией, заведомо направленной на *формирование отрицательного отношения*; не разъясняется, почему в таком случае преступлением считается *пропаганда русофобии*, а не собственно русофобия как одна из многочисленных разновидностей ксенофобии (в соответствии с нормами ныне действующего законодательства большинство форм выражения ксенофобии уже являются юридически неприемлемыми). Если бы законопроект не был срочно отозван, а оказался принят, в российском юридическом языке утвердилась бы еще одна формулировка типично манипулятивного характера, сама вероятность причисления которой к терминологическим единицам была бы сомнительна. Юридический термин должен отвечать на вопрос о сути правовой реалии, им обозначаемой, в том же случае, когда терминологизируемая лексика сама порождает дополнительные вопросы, уровень ее эффективности стремится к нулю.

Суммируя сказанное, можем прийти к выводу о том, что приведенные выше формулировки, созданные наспех, с расчетом на решение сиюминутных проблем, не обозначают никаких конкретных правовых реалий, а призваны служить лишь для манипулирования общественным сознанием и давления на прессу. Кроме того, законодатели совершенно не учитывают потенциальную серьезность последствий введения подобных терминов в употребление: пусть даже они могут временно решить некие стоящие перед законодателями задачи, тем не менее они останутся лишними фактического наполнения и не встроенными в систему устоявшейся правовой терминологии. Создание подобных терминологических единиц способно лишь навредить российскому законодательству и дополнительно усугубить те трудности, с которыми правоприменитель сталкивается постоянно.

Литература

1. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 8–40.
2. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 11–58.
3. Грищенко Ю.А. Язык права как объект коммуникативных исследований // Ярослав. пед. вестн. 2005. №1. С. 128–131.
4. Давыдова М.Л. Структура языка права: филологические и юридические аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2009. №3. С. 40–47.
5. Желтухина М.Р. Медиатексты в современной массовой коммуникации // Вестник ЦМО МГУ. 2013. №3. С. 7–11.
6. Желтухина М.Р., Мартышко Н.Ю. Закон РФ «О средствах массовой информации»: о проблеме нарушения требования терминологической точности и однозначности // Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах: материалы Второй Междунар. науч. конф. М. : МедиаМир, 2012. С. 141–146.
7. Мартышко Н.Ю. О манипулятивном потенциале некоторых юридических терминов // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. / отв. ред. В.Ю. Меликян. Ростов н/Д. : Ростиздат, 2011. С. 111–119.
8. Мартышко Н.Ю. Формулировка «пропаганда гомосексуализма» как пример юридического термина, не имеющего определенного значения // Актуальные проблемы современной коммуникативной культуры: вопросы теории и практики : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. (Новокузнецк, 19–20 апр. 2012 г.) / под ред. Л.В. Гордеевой, Т.Ю. Зотовой. Новокузнецк: РИО КузГПА, 2012. Т. 1. С. 186–188.
9. Милославская Д.И. Типовые трудности семантической интерпретации юридического текста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 114–117.
10. Мишланов В.А., Салимовский В.А. Язык законов в свете законов языка (о содержании понятия «лингвистическое обеспечение» законодательства и правоприменения) // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. №1. С. 165–176.
11. Пригарина Н.К. Клевета или мнение? // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов : материалы II Междунар. науч. конф. : в 2 т. (Волгоград, 24–26 апр. 2007). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. Т. 1. С. 927–931.
12. Романовская О.В. Понятие «объединение граждан» в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Рос. юрид. журн. 2009. №5. С. 196–205.

* * *

1. Golev N.D. Yuridizatsiya estestvennogo yazyika kak lingvisticheskaya problema // Yurilingvistika-2: russkiy yazyik v ego estestvennom i yuridicheskom byitii : mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. N.D. Goleva. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2000. S. 8–40.

2. Golev N.D. Yuridicheskiy aspekt yazyika v lingvisticheskom osveschenii // Yurilingvistika-1. Problemy i perspektivy : mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. N.D. Goleva. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1999. S. 11–58.

3. Grishenkova Yu.A. Yazyik prava kak ob'ekt kommunikativnykh issledovaniy // Yaroslav. ped. vestn. 2005. №1. S. 128–131.

4. Davydova M.L. Struktura yazyika prava: filologicheskie i yuridicheskie aspekty // Aktualnyie problemy rossiyskogo prava. 2009. №3. S. 40–47.

5. Zheltuhina M.R. Mediateksty v sovremennoy massovoy kommunikatsii // Vestnik TsMO MGU. 2013. №3. S. 7–11.

6. Zheltuhina M.R., Martyishko N.Yu. Zakon RF «O sredstvakh massovoy informatsii»: o probleme narusheniya trebovaniya terminologicheskoy tochnosti i odnoznachnosti // Stilistika segodnya i zavtra: mediatekst v pragmaticheskom, ritoricheskom i lingvokulturologicheskom aspektah: materialy Vtoroy Mezhdunar. nauch. konf. M. : MediaMir, 2012. S. 141–146.

7. Martyishko N.Yu. O manipulyativnom potentsiale nekotorykh yuridicheskikh terminov // Yazyik i pravo: aktualnyie problemy vzaimodeystviya : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. internet-konf. / otv. red. V.Yu. Melikyan. Rostov n/D. : Rostizdat, 2011. S. 111–119.

8. Martyishko N.Yu. Formulirovka «propaganda gomoseksualizma» kak primer yuridicheskogo termina, ne imeyushchego opredelennoy znacheniya // Aktualnyie problemy sovremennoy kommunikativnoy kultury: voprosy teorii i praktiki : materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. : v 2 t. (Novokuznetsk, 19–20 apr. 2012 g.) / pod red. L.V. Gordeevoy, T.Yu. Zotovoy. Novokuznetsk: RIO KuzGPA, 2012. T. 1. S. 186–188.

9. Miloslavskaya D.I. Tipovyye trudnosti semanticheskoy interpretatsii yuridicheskogo teksta // Yurilingvistika-2: russkiy yazyik v ego estestvennom i yuridicheskom byitii : mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. N.D. Goleva. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2000. S. 114–117.

10. Mishlanov V.A., Salimovskiy V.A. Yazyik zakonov v svete zakonov yazyika (o sodержanii ponyatiya «lingvisticheskoe obespechenie» zakonodatelstva i pravoprimeneniya) // Ekologiya yazyika i kommunikativnaya praktika. 2013. №1. S. 165–176.

11. Prigarina N.K. Kleveta ili mnenie? // Russkaya slovesnost v kontekste sovremennykh integratsionnykh protsessov : materialy II Mezhdunar. nauch. konf. : v 2 t. (Volgograd, 24–26 apr. 2007). Volgograd: Izd-vo VolGU, 2007. T. 1. S. 927–931.

12. Romanovskaya O.V. Ponyatie «ob'edinenie grazhdan» v resheniyah Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii // Ros. yurid. zhurn. 2009. №5. S. 196–205.

Functioning of manipulative statements in the modern Russian legislation

There are analyzed the constructive peculiarities of new terminological units in the Russian legislation. There is considered the issue of manipulation and manipulative potential of juridical terms. There are determined the most frequent reasons for this phenomenon, researched some typical examples of manipulative statements.

Key words: juridical terminology, juridical discourse, legislative discourse, language of law, manipulation, manipulative potential.

(Статья поступила в редакцию 14.04.2014)

М.И. КИОСЕ
(Жуковский)

ТЕКСТОВЫЕ ТИПЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕФЕРЕНТА НЕПРЯМОЙ НОМИНАЦИИ

Описаны некоторые особенности конструирования образов одного референта с опорой на выявленные возможности появления в тексте прямой и непрямо́й номинации.

Ключевые слова: непря́мая номинация, образ референта, конструирование, базовые и семейные категории, степени репрезентации.

В современной лингвистике изучению концептуальной структуры образов референта прямых и непрямы́х номинаций уделяется большое внимание, однако в большинстве случаев образы рассматриваются вне текста, что не позволяет сделать выводы об их динамическом характере. Обращение к текстовым образам референта представляется актуальным, т.к. демонстрирует наличие зависимостей между типами структур образа референта и порядком их введения в текст. Таким образом, в фокус исследования выводится именно динамический аспект функционирования